

О царственная дева,
Чтоб красоту твою одеть в наряд роскошный,
Служанок тысяча прекрасных собралась,
У каждой свой подход, своя задача, всё ради
Облачения твоих прекрасных форм. С восторгом
Одна расчешет золото волос слоновой костью,
Другая локоны блестящие завьет и в косы заплетет,
Венец из самоцветов на главу возложит третья,
А пряди тонкие унижет бусинами из драгих камней,
Еще одна из золота сверкающее ожерелье скрепит
На белоснежной шее, пока ее товарка развернет
Одежды, блестящие золотом и пурпуром багряным,
И терпеливо, ловко подберет то, что украсит
Несравненные черты; на них должны сиять
Сокровища бесценные песков Востока,
Сапфир, лазурный камень, что похож
На голубой небесный свод мерцанием, и мягко
Изольет зеленый изумруд свой тихий свет,
И огненный карбункул вспыхнет розовым лучом
Из злата чистого.

Джованни де Джильи. Эпиталама¹

¹ *Эпиталама* — торжественное стихотворение, поэма или песнь в честь новобрачных. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

ПРИНЦЕССА

ГЛАВА 1

1470 209

— Проснись, Бесси! Проснись!

Елизавета пошевелилась, разбуженная незнакомым шепотом. Что делает здесь ее мать королева, зачем тормозит ее? Обычно по утрам к ней приходила леди Бернерс — с улыбкой и словами: «Доброе утро, миледи принцесса». Но мать не улыбалась, а леди Бернерс, высоко подняв свечу, стояла в дверях вместе с мистресс¹ Джейкс, кормилицей, которая качала на руках малышку Сесилию. С ними была бабушка Риверс, она держала за руку сонную маленькую Марию. Все были одеты для улицы. Но ведь еще темно и за узким окном ни проблеска зари.

— Что случилось? — мигом пробудившись, спросила Елизавета.

— Ш-ш-ш! — Королева приложила палец к губам. — Нужно вести себя очень тихо. Вставайте, и я одену вас потеплее.

Мать будет одевать ее? Почтенная матушка, королевские руки которой никогда не опускались до повседневной работы? Наверное, произошло что-то ужасное.

Королева слабо улыбнулась:

— Нам с сестрами приходилось самим заботиться о себе, пока я не стала королевой.

Она сняла с Елизаветы ночную рубашку, надела на нее сорочку и зеленое зимнее платье из шерстяной материи, за-

¹ *Мистресс* — вежливое обращение к женщине или указание на особу женского пола при упоминании о ней.

кутала в накидку, а потом затенила дочери лицо, низко нагнув ей на лоб капюшон. Затем королева взяла у бабушки Риверс свою мантилью, надела ее, прикрыв свой большой живот, и обернулась к другим женщинам со словами:

— Пойдемте. — В ее приглушенном голосе звучала настойчивость.

— Миледи, что происходит? — спросила Елизавета, совершенно ошеломленная.

— Тише! Я объясню вам позже. А теперь ни слова. Нам всем нужно вести себя очень тихо.

Четыре женщины с детьми быстро прошли через башню Ланторн, задержав дыхание у дверей караульной: стражники должны были стоять на часах, но, к счастью, они спали, громко храпя. Потом беглянки оказались снаружи и стали торопливо спускаться по лестнице вдоль Уотер-лейн к незапертым боковым воротам Тауэра.

— Благодарение Господу за верную стражу! — выдохнула мать.

Крепко держа Елизавету за руку, она вела ее вниз по Королевской лестнице к пристани, где покачивалось несколько маленьких суденышек. Леди Бернерс окликнула лодочника и приказала:

— К спуску у Вестминстера!

— Будет сделано, — ответил тот, беря из рук гувернантки ребенка, чтобы та могла взойти на борт.

Королева с Елизаветой двинулись за ней, последними на палубу поднялись бабушка Риверс, кормилица и Мария. Лодочник вставил весла в ключины, и лодка вышла в Темзу.

Вода была черная, жуткая. Елизавета дрожала от страха и холода октябрьской ночи. Вокруг спал Лондон. Из темноты донесся отдаленный крик стражника:

— Три часа, и все спокойно!

— Если бы, — прошептала бабушка.

Елизавете отчаянно хотелось узнать, что случилось, но, не смея послушаться матери, она молчала и про себя удивлялась: зачем они посреди ночи едут в Вестминстер?

— Поздновато вы, добрые леди, отправились на прогулку, — заметил лодочник, когда они проплывали мимо замка Байнардс, где жила бабушка Йорк, гораздо более строгая, чем бабушка Риверс.

Знала ли она об этом их ночном путешествии? Скорее всего, спала, как и все в Лондоне.

— Мы едем к моей дочери, которая мучается ребенком, как говорится, — пояснила леди Бернерс. — Мне сообщили, что дело плохо.

Елизавета удивилась, ведь замужняя дочь леди Бернерс Анна только что родила, а другая была еще девушкой, к тому же строгая наставница всегда внушала своей воспитаннице, что говорить неправду плохо.

— Ну тогда мы вас мигом доставим, — по-доброму сказал лодочник и налег на весла.

Елизавета заметила, как женщины переглянулись. Вскоре она увидела впереди растянувшуюся вдоль берега громаду дворца Вестминстер. Лодочник подгрел к пристани, и они стали, держась поближе друг к другу, быстро подниматься по лестнице, а потом торопливо засеменили вдоль стены, окружавшей дворец. Однако в ворота они не вошли, а вместо этого направились прочь от дворца. Елизавета огорчилась, так как лелеяла надежду, что они идут к ее отцу королю, который все исправит. Она давно его не видела. Вместе с матерью и младшими сестрами она, казалось, уже целую вечность жила в Тауэре.

Но вот и Вестминстерское аббатство, двор церкви Святой Маргариты. Вскоре Елизавета с ужасающей ясностью поняла, что мать направляется в стоявшее напротив огромное здание — мрачное и неподвижное, по форме напоминавшее церковь, но источавшее угрозу, а не благодать. Хоть Елизавета и была юна, она знала, что там живут плохие люди — убийцы и воры. Однажды ей приснился страшный сон, будто ее заточили туда, и леди Бернерс объяснила, что любой человек может просить там убежища, то есть никто не вправе арестовать его или отвести в суд, пока он находится на святой земле под покровительством апостола Петра.

Земля, может быть, и святая, но место было страшное, и Елизавета боялась идти туда. На глаза ей навернулись слезы, она вся сжалась и жалобно захныкала от одной мысли об этом.

— Ш-ш-ш, — шикнула мать и крепче сжала руку дочери.

Елизавета была слишком напугана, чтобы прислушаться к ней.

— Но зачем мы идем туда, миледи? Мы не сделали ничего дурного. Мы не воровки.

— Бесси, тише. Скоро я вам все объясню.

На плечо Елизаветы легла чья-то рука. Она подняла глаза и увидела улыбающуюся ей бабушку.

— Господь бережет нас, дитя, — сказала та. — Он распорядится, как лучше.

Но вот они уже рядом с крепкой дубовой дверью. Елизавета задрожала и увидела, что мать немного замялась, а потом взяла железный дверной молоток и постучала.

Прошло, казалось, очень много времени, прежде чем какой-то монах открыл дверь.

— Господь да пребудет с вами, сестры мои. Кого вы ищете?

— Увы, братец, — отозвалась мать, — мы здесь не как гости. Мы пришли просить убежища.

Последовала пауза, монах молча взирал на них.

— Вы должники? Не могу представить, чтобы такие благообразные леди были виновны в каких-то преступлениях. И к тому же с вами дети, мы не принимаем...

— Я — ваша королева, — ледяным голосом проговорила мать с таким видом, который заставлял умолкнуть большинство людей, — и мы с детьми находимся в опасности. Король покинул королевство, а милорд Уорик и герцог Кларенс идут на Лондон. Прошу вас дать нам убежище.

Елизавета слушала в смятении. Отец покинул королевство? И почему им нужно бежать от ее крестного отца Уорика и дяди Кларенса? Она смутно понимала: в семье происходят какие-то неурядицы, и знала, что мать ненавидит обоих этих мужчин, но понятия не имела почему.

— Ее милости скоро рожать, — встряла бабушка.

— Прошу вас, входите и садитесь, а я пока приведу отца настоятеля, — нервно буркнул монах.

Когда они вошли в здание, Елизавета огляделась, боясь, как бы из темноты не появились нашедшие здесь убежище преступники, однако, к ее облегчению, в огромном, похожем на церковь пространстве почти никого не было. Только две спящие фигуры, завернутые в накидки, лежали на соломе в дальнем конце.

Переступив через порог, мать сразу опустилась на скамью. Выдержка изменила ей, на щеках блестели слезы.

— Можно ли поверить, что это происходит наяву, — прошептала она.

— Не плачьте, миледи, — взмолилась Елизавета.

Бабушка прижала потрясенную королеву к груди, а трехлетняя Мария заревела. Леди Бернерс склонилась к малышке и стала утешать ее, держа на согнутой в локте руке хнычущую Сесилию.

— Вам нужно уходить, леди Бернерс, — сказала королева, подавляя минутную слабость и забирая у нее ребенка. — Вы им не нужны.

— Но дети, мадам, — возразила гувернантка, а Елизавета и Мария, обе в слезах, прижались к ее юбкам и заверещали:

— Не оставляйте нас!

— Это приказ, — отрезала королева. — Я не допущу, чтобы вы сидели здесь с нами взаперти, когда в этом нет нужды. С мистресс Джейкс дело другое. — Она взглянула на кормилицу. — Ее я не могу отпустить. Как только ситуация улучшится, я пошлю за вами. Тише, дети! С вами будем я и бабушка Риверс, мы позаботимся о вас, а леди Бернерс вы скоро увидите.

— Как будет угодно вашей милости, — ответила леди Бернерс, но Елизавета видела, что ей не хочется уходить. — Я найду гостиницу, а завтра пойду в Виндзор, надеюсь, мой супруг все еще остается констеблем замка.

— Да хранит вас Господь, — сказала королева. — Помолитесь за нас!

Елизавета с ужасом смотрела, как уходит ее любимая наставница. Потом она увидела монаха, который возвращался вместе со знакомой фигурой аббата Миллинга, полного джентльмена в простой черной рясе, с добрым и круглым как луна лицом под тонзурой. Девочка встречалась с ним несколько раз, когда посещала Вестминстерское аббатство.

— Ваша милость, печально видеть вас здесь, — приветствовал мать аббат, потянулся к ней и пожал ее руки. — Времена настали нелегкие, если безупречной королеве Англии приходится искать убежища вместе с преступниками.

— Отец настоятель, вы еще услышите новости, — сказала королева, склоняя голову для благословения. — В этом мире мы пожинаем то, что сеем. Я не замечала угрозы, которая смотрела мне в лицо. А теперь вместе с этими невинными малютками должна расплачиваться за это.

— Печально, когда сила владычеству над правом, — заметил аббат. — Вы не толкали Уорика и Кларенса на измену.

— Нет, но я невольно дала им основания. — Елизавета не поняла, что имеет в виду мать, а королева продолжила: — Отец настоятель, вы позволите мне записать себя в качестве женщины, нашедшей убежище в святилище? Если бы не дети, которых нужно спасать, я бы не пришла сюда.

— Мадам, — ответил аббат, — вы, конечно, можете просить убежища, и брат Томас внесет в книгу ваши имена. Но я и слышать не хочу о том, чтобы вы оставались здесь вместе с ворами и убийцами. Я настаиваю: вы все должны оставаться в Чейнигейтсе, моем собственном доме, и быть моими гостями.

— Я никогда не смогу отблагодарить вас, отец.

На глазах матери блеснули слезы облегчения. Она робко взяла за руку Марию, и они все пошли вслед за аббатом обратно в монастырь. Он провел их через западные ворота и повернул к крытым галереям. Под арочным проходом открыл дверь и стал подниматься по крутой лестнице к прекрасному дому, где пахло благовониями и воском.

— Ваша милость, вы займете три мои лучшие комнаты, — сказал аббат матери. — Постели готовы, и я пришлю

к вам слуг с полотенцами и всем необходимым для вашего удобства. Если вам понадобится что-нибудь еще, скажите им.

Когда Елизавета увидела отведенные им комнаты, ей стало значительно лучше. Аббат был князем Церкви и жил соответственно. Ей и сестрам предстояло разместиться в роскошной спальне, где стояла огромная кровать под балдахин и две низкие с соломенными тюфяками, все они были застланы отбеленными простынями и бархатными покрывалами. Аббат Миллинг сказал им, что большую комнату называют Иерусалимской палатой. Там висели дорогие гобелены, и она выглядела почти так же великолепно, как парадные апартаменты в Вестминстере. Здесь будут главные покои матери. Бабушке достался аббатский зал, в котором была галерея менестрелей, он был не менее великолепен, чем другие помещения.

Елизавета осторожно легла на соломенный тюфяк, мать подоткнула простыню. Неподалеку от нее уже спала Мария, ее светлые кудряшки разметались по подушке. Королева тем временем попросила кормилицу помочь ей справиться с пуговицами, сняла платье, оставшись в одной сорочке, и забралась в большую кровать.

Кормилица выдвинула из-под нее низенькую кровать на колесиках и улеглась, прижимая к себе Сесилию.

— Матушка, что происходит? — приглушенным голосом спросила Елизавета.

— Спите, Бесси. Расскажу вам все утром. Я очень устала.

Вскоре комната наполнилась звуками ровного дыхания и сопением младенца, однако Елизавета лежала без сна и размышляла, стараясь отогнать от себя тревогу по поводу странных событий этой ночи и их значения.

Сколько себя помнила, Елизавета знала, что она важна. Ей было около пяти лет; старшая дочь блистательного короля и красавицы-королевы, девочка жила в великолепных дворцах, как принцесса из сказки. Ее называли Елизаветой

в честь матери, которая часто носила украшенную драгоценными камнями брошь, подаренную ей отцом в день рождения дочери. В обычных обстоятельствах мать оставалась для Елизаветы далекой фигурой, грациозной богиней, сидевшей на троне и иногда спускавшейся в детскую в облаке цветочного аромата, шурша волшебными дамастовыми юбками; шея у нее была как у лебедя, ее красоту подчеркивали подбритая линия волос и покрытый вуалью геннин¹.

Мать была величественна и неприступна, а отец был веселым, высоким и жизнерадостным человеком с блестящими глазами и заразительным смехом, за которым скрывалась чуткая наблюдательность. Он был самым прекрасным мужчиной в мире, и все обожали его, особенно дети. Двор отца славился великолепием, при нем обретались важные лорды и леди, приезжали гости со всех концов земли. Елизавета часто чувствовала, что раздувается от гордости за своего сильного и могущественного отца. Теперь она сомневалась, вернется ли он когда-нибудь на свой трон. Увидит ли она его еще хоть раз? Где он?

Повседневным миром для Елизаветы был вовсе не роскошный отцовский двор, а детские покои во дворце Шин, где властвовала добрая пышнотелая леди Бернерс, которая без особых усилий командовала детьми и их няньками, качальщицами колыбелей и домашними слугами. Как дочь короля, личность которого была священна и который был поставлен Богом править Англией, Елизавету регулярно представляли в хороших манерах и предупреждали об опасности греха и непослушания велениям Неба. Она всегда очень старалась быть хорошей и заработать одобрительную улыбку леди Бернерс.

Эта добрая женщина лучилась от радости, видя, как ее воспитанница опекает младших сестер, которых Елизавета обожала. Когда девочка не стояла на коленях у колыбели Сесилии, укачивая ее, они с Марией бегали по дворцу, играли в мяч или в жмурки во дворе, а иногда, стоя в эркере,

¹ *Геннин* — конусообразный женский головной убор.

наблюдали, как по Темзе проплывают лодки, и вытягивали шею, чтобы хоть краешком глаза увидеть любимую резиденцию отца — дворец Вестминстер, располагавшийся немного выше по реке.

Эмблема короля — солнце в сиянии — выделялась среди других геральдических знаков: антилоп, лебедей, сердец и львов, которые украшали парадные залы во дворце Шин.

— Ты знаешь, что однажды перед битвой отец увидел в небе три солнца? — говорила Елизавета разинувшей рот Марии. — Это было доброе знамение, и он выиграл сражение.

Ритм жизни в течение года был давно и прочно установлен так же, как безыскусная вера детей в Бога: каждый день домашний священник приходил учить девочек катехизису и объяснял им смысл написанного и нарисованного в Псалтыри. В праздничные и святые дни они делали приношения в храме во время мессы, в Великий пост постились, в Великий четверг раздавали дары беднякам, в Страстную пятницу ползли на коленях к кресту, а в Новый год получали подарки на Йолетид¹. В Двенадцатую ночь им позволяли вместе со всеми участвовать в торжествах и праздничных застольях при дворе, особый восторг у детей вызывали озорные выходки Князя беспорядка. Вспоминая их, Елизавета закрыла глаза и помолилась Господу, чтобы Он позволил ей вернуться к прежней приятной жизни. «Отправь отца домой», — попросила она.

Поездки ко двору были для Елизаветы лучшим событием в году, однако, к их с Марией обоюдному разочарованию, обеих сестер вызывали туда только по случаю праздников или официальных визитов, когда королю было угодно показывать своих дочерей гостям. В таких случаях девочки присоединялись к свите матери и наслаждались редким счастьем — она сама учила их хорошим манерам, музыке,

¹ *Йолетид*, или Йоль, — языческий праздник зимнего солнцестояния у народов Северной Европы; после принятия христианства слился с Рождеством.

пению, танцам, вышиванию и всему прочему, что было необходимо для того, чтобы сделать принцесс украшением двора, как она выражалась.

Мать строго требовала от дочерей соблюдения придворного этикета: однажды Елизавета видела, как та очень долго продержала стоящей перед собой на коленях бабушку Риверс. Девочка упивалась тем, что является центром внимания при дворе и ее наряжают в миниатюрные копии роскошных платьев королевы, она уже умела ловко управляться с длинными шлейфами.

Но больше всего Елизавета любила проводить время с родителями. Ее научили выражать по отношению к ним высочайшее почтение, не только потому, что они — король с королевой и превосходят величием всех, но также и по той простой причине, что дети должны быть почтительными, слушаться и уважать своих отца и мать, оставаясь в неплатном долгу перед ними всю жизнь. Ей следует приветствовать их реверансом, ждать, пока с нею заговорят, прежде чем обратиться к ним, и вести себя в их присутствии достойно. Хотя отец обычно отставлял в сторону формальности, поднимал дочерей на руки, кружил и целовал. Он находил время поговорить с ними об их детских проблемах и поиграть в игры. Мать же, казалось, была больше озабочена тем, чтобы они вели себя как подобает. Она не позволяла своим дамам суетиться вокруг дочерей, чтобы те не избаловались, но всегда хотела для них лучшего, что, по словам леди Бернерс, было самым важным качеством хорошей матери.

С болью в сердце вспомнила Елизавета, как вечерами при дворе, прежде чем лечь спать, они с Марией вставали на колени перед родителями и просили у них благословения, которое им всегда давали с радостью, отчего она чувствовала себя любимой и защищенной. Елизавете давно уже хотелось постоянно жить при дворе. Теперь же она сомневалась, доведется ли ей попасть туда еще хотя бы раз.

Уснуть не удавалось. Лежа в постели, девочка перебирала в уме события последних недель, которые предшествовали бегству в святилище, и вспомнила разговор слуг, случайно подслушанный, когда однажды жарким днем она играла в саду Шина.

— Уорик ненавидит королеву, и если ребенок, которого она носит, снова окажется девочкой, я не смею и думать, что тогда может случиться. — Это говорила леди Бернерс. — Королю нужен наследник. Я всегда считала глупостью с его стороны женитьбу по любви, в результате ему пришлось продвигать всех этих алчных родственников Вудвиллов. Не то чтобы королева мне не нравится — она добрая госпожа, но иногда я понимаю, почему Уорик к ней не расположен.

— Уорик все сильнее заносится, — отозвалась мистресс Джейкс. — Он, должно быть, видит в Вудвиллах угрозу своему влиянию на короля.

— Да, так и есть. Говорят, он пришел в ярость, когда из-за женитьбы на Вудвилл расстроился брачный союз короля, о котором он радел во Франции. Ему нужно контролировать все. Мой супруг слышал, как итальянский посол в Виндзоре пошутил, что в Англии два короля — Уорик и еще один, имя которого он позабыл.

— Неудивительно, что Уорик сошелся с Кларенсом. Этот негодяй недостоин доверия!

Последовала пауза, в продолжение которой Елизавета услышала, как ее воспитательница сказала что-то про маленькие кувшины¹, и потом разговор перешел на совершенно другую тему. Девочка нахмурилась, не вполне понимая смысл разговора, хотя слова взрослых женщин встревожили ее. Уорик был ее крестным отцом. Почему он ненавидел мать? Отчего рассорился с отцом, которому сперва помог стать королем? И почему ее дядя Кларенс — негодяй?

И теперь они идут на Лондон вместе, а мать так напугана, что посреди ночи вместе с детьми убежала из дворца.

¹ То есть произнесла английскую поговорку «У маленьких кувшинов большие уши», означающую: «Дети любят слушать то, что им не полагается».

Уэйр Э.

У 97 **Елизавета Йоркская. Последняя Белая роза** : роман / Элисон Уэйр ; пер. с англ. Е. Бутенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 640 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-22376-9

Английская принцесса Елизавета появилась на свет в разгар Войны Алой и Белой розы — династических распрей между Ланкастерами и Йорками. Старшая дочь королевского дома Йорков, она мечтает о короне. Но внезапно умирает Эдуард IV, отец принцессы, и в ее судьбе наступают резкие перемены. Клан Алой розы стремится захватить власть, безжалостно уничтожая других претендентов на престол. Два юных принца, братья Елизаветы, убиты в Тауэре... Враги все ближе. Они желают посадить на трон выскочку из дома Ланкастеров, Генриха Тюдора. Переломить ситуацию в пользу Йорков мог бы удачный брак принцессы Елизаветы. Ей предстоит сделать нелегкий выбор, ведь неверный ход на шахматной доске истории зачастую означает утрату не только политического влияния, но и самой жизни...

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭЛИСОН УЭЙР

ЕЛИЗАВЕТА ЙОРКСКАЯ
ПОСЛЕДНЯЯ БЕЛАЯ РОЗА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Светлана Прохвятилова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Светлана Федорова, Александр Киселев
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.04.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 39,2. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-ВВН-31340-01-R